

И. А. Афанасьева ^a

<https://orcid.org/0000-0002-5109-5949>

✉ iaafanaseva@hse.ru

П. С. Сорокин ^a

<https://orcid.org/0000-0003-3910-2090>

✉ psorokin@hse.ru

А. А. Голощапов ^b

<https://orcid.org/0009-0009-4202-723X>

✉ contact@artyomgo.tv

^a *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

^b *независимый исследователь (Россия, Санкт-Петербург)*

АГЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ИСКУССТВЕ (2017–2023) В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРЕНДОВ: ПРОЯВЛЕНИЯ И ЭФФЕКТЫ

Аннотация. Активное и в особенности преобразующее поведение индивидов по отношению к социальному миру (так называемая агентность) сегодня является одним из центральных предметов обсуждений и исследований как для социальных и политических наук, так и для практики в сфере образования, экономики, культуры и социальной политики. Текущая стадия социетальной эволюции, деструктуризация, делает индивидуальную агентность особенно важной не только для индивидуального, но и для коллективного благополучия. В этом контексте вклад сферы искусства в осмысление вопросов агентности остается недостаточно изученным. В статье выдвигается и рассматривается авторская типология агентности в современном искусстве: 1) социальная трансформация; 2) эскапизм; 3) кризисная адаптация; 4) трансформация субъекта действия; приводятся количественные характеристики представленности каждого типа агентности и конкретные примеры. Особое внимание уделено тому, какие формы проактивного действия порождает сфера искусства и как обнаруженные кейсы отражают более широкие процессы в социальной жизни Европы.

Ключевые слова: современное искусство, европейское искусство, агентность, самостоятельность, деструктуризация, эскапизм, социальная трансформация, кризисная адаптация, трансформация субъекта действия, природа социальных акторов

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Для цитирования: Афанасьева И. А., Сорокин П. С., Голощапов А. А. Агентность в современном европейском искусстве (2017–2023) в контексте социальных и культурных трендов: проявления и эффекты // Шаги/Steps. Т. 10. № 1. 2024. С. 341–362.

<https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-341-362>

Поступило в редакцию 2 октября 2023 г.; принято к печати 5 декабря 2023 г.

Shagi / Steps. Vol. 10. No. 1. 2024
Articles

I. A. Afanaseva ^a

<https://orcid.org/0000-0002-5109-5949>

✉ iaafanaseva@hse.ru

P. S. Sorokin ^a

<https://orcid.org/0000-0003-3910-2090>

✉ psorokin@hse.ru

A. A. Goloshchaporov ^b

<https://orcid.org/0009-0009-4202-723X>

✉ contact@artyomgo.tv

^a HSE University (Russia, Moscow)

^b Independent Scholar (Russia, St. Petersburg)

AGENCY IN CONTEMPORARY EUROPEAN ART (2017–2023) IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND CULTURAL TRENDS: MANIFESTATIONS AND EFFECTS

Abstract. “Agency” or active transformative behavior of individuals in relation to the social world remains one of the central concepts of discussion and research for both the social and the political sciences, and for practice in the field of education, economics, culture, and social policy. The current state of societal processes, de-structuration, makes individual agency especially important for both individual and collective well-being. The contribution of art to understanding and promoting agency remains little known in the scholarly world. The purpose of this research is to study the vision of agency issues by representatives of the contemporary European artistic process in the context of social and cultural trends relevant to Europe and to compare this vision with interpretations in other spheres of public life. The authors try to show how initiatives aimed at developing agency originate in the institutional and non-institutional art fields in Europe; how they manifest themselves and with what effects. The article puts forward a typology of agency in the contemporary cultural process: 1) social transformation; 2) escapism; 3) crisis adaptation; 4) transformation of actor; quanti-

tative characteristics and concrete examples for each type are provided. Particular attention is paid to the concrete forms of agency that the field of art generates, and how discovered cases reflect broader processes in the social life of Europe.

Keywords: contemporary art, European art, agency, independence, de-structuration, escapism, social transformation, crisis adaptation, transformation of actor, the nature of social actors

Acknowledgments. The study was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant agreement No.: 075-15-2022-325).

To cite this article: Afanaseva, I. A., Sorokin, P. S., & Goloshchapov, A. A. (2024). Agency in contemporary European art (2017–2023) in the context of social and cultural trends: Manifestations and effects. *Shagi / Steps*, 10(1), 241–362. (In Russian).

<https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-341-362>

Received October 2, 2023; accepted December 5, 2023

Введение: искусство и агентность

Настоящая статья нацелена на осмысление проблематики агентности (англ. *agency* ‘самостоятельность’, ‘проактивность’) в современном европейском искусстве в контексте социальных и культурных трендов Европы. Такая задача актуальна в условиях беспрецедентной волатильности социальных и культурных систем в мире, по отношению к которым роль сферы искусства может быть важной не только с позиции объекта, испытывающего на себе соответствующие воздействия, но и субъекта, способного оказать влияние на социетальную динамику.

Исследования взаимосвязи искусства и агентности имеют богатую историю и характеризуются наличием нескольких научных парадигм. Созданная в 1980–1990-е годы французами М. Каллоном, Б. Латуром и англичанином Д. Ло акторно-сетевая теория (Actor-network theory) позволяет рассматривать объекты (в том числе произведения искусства) как действующие единицы социальных отношений [Латур 2014: 68]. Акторно-сетевая теория предполагает, что материальные объекты могут вступать в субъектно-объектные отношения наравне с индивидами и самостоятельно направлять человеческое действие, участвуя в конструировании реальности. В основе этой модели — концепции семиотики, основанные на уравнивании статуса человека и предметов в грамматическом отношении (например, «художник написал картину» и «картина написана художником») [Там же: 100].

Мысль о том, что человек не обладает монополией на производство смыслов в контексте теории и истории искусства, получила развитие в работах британских социальных антропологов А. Гелла и Р. Лейтона. В работе «Искусство и агентность» А. Гелл формулирует теорию изобразительного искусства, которая фокусируется на социальном контексте производства [Gell 1998: 5]. Этот подход предполагает, что в определенных контекстах произведения искусства могут заменять людей и таким образом становиться самостоятельными актерами (агентами), опосредуя социальную деятельность [Ibid.: 5]. Ключевыми составляющими этой теории являются индекс (произведение искусства), создатель (например, художник), реципиент (зритель, критик) и прототип (то, чьим изображением является индекс) [Ibid.: 26].

Исследования А. Гелла в 2003 г. были переосмыслены в статье Р. Лейтона «Искусство и агентность: переоценка». Р. Лейтон уверен, что антропология искусства должна интересоваться тем, как эстетические принципы мобилизуются в ходе социального взаимодействия. Исследователь пишет о том, что произведения искусства являются не самодостаточными, а вторичными агентами, оказывающими воздействие в силу того, что они вовлечены в социальные отношения. Кроме того, он признает, что лингвистическая модель имеет существенные ограничения в объяснении того, как объекты искусства могут распространять качества агентности [Layton 2003: 461].

В рамках влиятельного направления современной эстетики, начиная от американца М. Фрида [Fried 1998] и заканчивая европейцами Т. В. Адорно [2001] и А. Бадью [Badiou 2005], автономия произведения понимается как «освобождение от господства субъекта». С этой точки зрения искусство рассматривается как инструмент практической реализации агентности, обеспечивающий социальное участие. Смысл произведений искусства в рамках этого направления рассматривается наравне с фотожурналистским взглядом на окружающую реальность.

В книге «Агентность искусства и история искусства» (2007) под редакцией Р. Осборна и Дж. Таннера предлагаются варианты применения теории А. Гелла к истории искусства [Osborne, Tanner 2007]. Диапазон примеров исследования очень широк: египетская архитектура, древнегреческая керамика, раннехристианское искусство, китайская портретная живопись эпохи династии Мин, миниатюры елизаветинской Англии и др. В книге прослеживается взаимосвязь антропологии искусства и ключевых методологических подходов теории искусства, социологии и лингвистики. Стоит отметить: в книге критикуется тезис А. Гелла о том, что типы агентности следует определять в связи с культурой и историческим контекстом.

Другой взгляд на проблематику агентности в искусстве представлен в тексте «Слияния сил: четыре модели агентности в сфере современного искусства, бескомпромиссно ранжированные в порядке предпочтения» современного иранского искусствоведа и куратора Т. Золгадра. Он выделяет

четыре вида агентности в искусстве (имеющие разные логические основания) и подбирает к ним образные названия: 1) «бессрочные отсрочки» (Indefinite Postponements) как намек на то, что агентность в искусстве оперирует неочевидными категориями и смыслами, которые станут очевидными во время Второго пришествия; 2) «католичество» (Catholics) — тип агентности, в котором основным инструментом для достижения целей выступает практическое вмешательство искусства в социальную сферу; 3) «профессиональные заговорщики» (Conspirateurs Professionnels) — агентность биополитического поворота, в котором основным вопросом является дилемма о том, как использовать силу, заложенную в креативности и эмоциональном интеллекте; 4) «хор мальчиков-атеистов» (Atheist Choir Boys) — тип агентности, представляющий не прямые, а окружные пути моды, рекламы и политики [Zolghadr 2013: 277–286].

Книга «Искусство, агентность и живое присутствие: от анимированного изображения к многосоставному объекту» К. ван Эк сочетает художественный, искусствоведческий, психологический и антропологический аспекты рассматриваемой темы [van Eck 2015]. Основное внимание уделяется европейской скульптуре 1700–1900 гг. Основываясь на теории А. Гелла, автор исследует склонности человека наделять статуи человеческими качествами, отражающими конкретный историко-культурный контекст и связанный с ним запрос на определенный тип поведения.

Отчасти особняком стоит возникший в научном дискурсе в 1980-е годы термин «устойчивое искусство» (sustainable art), связанный с конкретными типами агентного поведения (например, такими как экологический активизм, движения «За права человека» и др.) [Fowkes, Fowkes 2007]. Основные дебаты о связи современного искусства с устойчивостью (sustainability)¹ начались в Европе в 2000-е годы. В 2007 г. в Университете Лейфана в Люнебурге Европейская ассоциация социологов искусства зафиксировала особую значимость вопроса о вкладе искусства в тематики, связанные с решением социально значимых проблем: экологии, дискриминации (в том числе гендерной), бедности, социальной несправедливости [Ibid.: 12]. Сегодня выставки устойчивого искусства проходят по всему миру.

Как видим, в рассмотренных научных дискуссиях говорится о самовыражении художников и их влиянии на непосредственное окружение, однако без фокуса на производстве новых или на трансформации существующих структур (иными словами, без фокуса на агентности, в том ее понимании, которое сегодня рассматривается как одно из наиболее перспективных [Бочков 2021; Cavazzoni et al. 2021; Mironenko, Sorokin 2022]). Кроме того, в указанных дискуссиях не всегда достаточное внимание

¹ Устойчивое развитие (англ. *sustainable development*) — процесс экономических, социальных и экологических изменений, при котором природные ресурсы, ориентация научно-технического прогресса, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и способствуют сохранению систем жизнеобеспечения для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений.

уделяется связи между конкретными формами агентности в искусстве и более широкими социально-культурными процессами, характерными для конкретного исторического периода и территории. В тех случаях, где подобная связь прослеживается, речь идет о феноменах и процессах не позднее конца XX или начала XXI в., без учета новейших трендов социальной и культурной жизни, обозначившихся наиболее полно в последние три-пять лет и осмысляемых в литературе по социальной теории как деструктурация [Сорокин, Фруммин 2020; Mironenko, Sorokin 2022]. Это заставляет пересмотреть привычные понятия, применяемые к агентности в разных сферах общественной жизни, в том числе в искусстве, и обуславливает актуальность настоящей работы. Стоит отдельно отметить, что Европа в современных дискуссиях выступает, с одной стороны, как объект рассмотрения (именно европейские общества в большинстве случаев становятся материалом, который анализируют деятели искусства), с другой стороны, как среда, которая порождает самого художника как актора. Поэтому целесообразно отдельно изучить агентность в современном европейском искусстве.

Внешние и внутренние детерминанты агентности, связанной со сферой искусства

Говоря о проблеме агентности в искусстве, необходимо провести демаркационную линию между двумя блоками творческих явлений — так называемой индустрией (т. е. производством креативной продукции, ассоциированной с искусством) и самостоятельной творческой деятельностью, движимой драйверами художественного сообщества изнутри.

Первый блок связан с генерацией новых творческих продуктов, имеющих, помимо эстетических качеств, утилитарное значение. В эту группу можно отнести интеграцию творческих разработок в мир рекламы, моды, дизайна, промышленности, включая случаи сотрудничества художников с брендами и корпорациями.

В центре внимания настоящей работы — второй блок агентных (трансформационных) эффектов искусства на социальный мир. Климатические катастрофы, миграции, экономические трудности, пандемия COVID-2019, социальная несправедливость, конфликты между государствами, нарушения дипломатических контактов — на все эти вопросы современные художники ищут ответы.

Что такое «современное европейское искусство» — вопрос, требующий отдельного обсуждения. Несмотря на дифференциацию возможных подходов к его определению, несомненно, что к нему относятся наиболее важные события, выставки, позиционируемые как связанные с «современным искусством» в соответствующий исторический период в конкретной стране или группе стран [Meuer 2013]. Очевидно, что для каждой эпохи характерно свое «современное искусство». Например, для 1970-х примером могут быть выставки «Париж — Берлин. 1900—1933: связи и противоречия Франция — Германия» (1978, Центр Жоржа Помпиду, Па-

риж), «Москва — Париж. 1900–1930» (1979, Центр Жоржа Помпиду, Париж), для 1990-х — «Европа, Европа. Столетие авангарда в Центральной и Восточной Европе» (1994, Художественный и выставочный центр Федеративной Республики Германия, Бонн), для 2000-х — «Berlin — Moskau, Москва — Берлин» (2003–2004, Дом Мартина Гропиуса, Берлин; Государственный исторический музей, Москва), «Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968» (2016, Дворец изящных искусств, Брюссель; Центр искусства и медиа, Карлсруэ; Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва), для 2020-х — «Европа без границ» (2020–2021, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; Государственный исторический музей, Москва), «Многообразие. Единство. Современное искусство Европы» (2021–2022, Темпельхоф, Берлин; Государственная Третьяковская галерея, Москва). Все перечисленные события внесли значимый вклад в осмысление проблематики агентности в культурной жизни Европы.

Важной чертой современного изобразительного искусства (включая новейшее искусство 2017–2023 гг.) является то, что эта область зачастую находится на периферии или вовсе ускользает из фокуса внимания государства и частного бизнеса. Инициатива развития здесь исторически находится в руках низовых акторов — в том числе в европейском культурном пространстве. В частности, на примере России можно заметить, что все основные прорывы (с точки зрения влияния на социальную среду) в этой сфере происходили по воле отдельных авторов или инициативных художественных объединений — начиная с Лианозовской группы и заканчивая московским концептуализмом.

В отличие от предшествующих периодов, эпоха деструктуризации [Mironenko, Sorokin 2022] повышает вариативность форм индивидуального действия, включая агентное поведение, что, в свою очередь, делает важным классификацию агентности — в том числе через призму тех ее типов, которые могут быть обнаружены в современном искусстве. В связи с этим цель настоящей статьи — изучение видения представителями современного европейского художественного процесса проблематики агентности и классификации обнаруженных инициатив в контексте тенденций европейской культурной жизни 2017–2023 гг.

Методология исследования предполагает контент-анализ как научной, так и практической литературы в области современного искусства (статьи в периодических изданиях, эссе, тексты в выставочных каталогах). Поиск запросы делались в ключевых электронных системах хранения научных источников: на платформах Scopus, Web of Science, Google Scholar, JSTOR, Oxford Art Online, ARTstor Digital Library. Кроме того, анализировались сайты авторитетных европейских организаций, культурных форумов. Отдельно поиск релевантных изданий проводился на сайтах Российской государственной библиотеки, Российской государственной библиотеки искусств, библиотеки Музея современного искусства «Гараж», а также на сайтах высокорейтинговых журналов, входящих

в Scopus, WoS, РИНЦ, специализирующихся на современном искусстве. Для автоматического поиска использовались следующие ключевые слова на английском языке: *adaptation, art's agency, art and agency, autonomy in art, changing the nature of social actors, creativity, contemporary art, contemporary culture, contemporary European art, crisis adaptation in art, escapism in art, innovation in art, institutional changes, social actor, social transformation, subjectivity in art, sustainable art, practices in contemporary art*. Ключевые слова были сформированы на основе имеющегося у авторов данной статьи опыта изучения вопросов агентности (см.: [Mironenko, Sorokin 2022; Сорокин, Зыкова 2021]) и современного искусства, культуры (см.: [Афанасьева 2022; 2023]). Отдельно, с помощью обнаруженных как через указанные выше поисковые запросы, так и через известные автором источники, были отобраны показательные кейсы, относящиеся именно к европейской культурной жизни 2017–2023 гг. По результатам автоматического поиска был произведен отбор публикаций: выбраны те материалы, в которых рассматривались художественные инициативы, в наиболее явном виде направленные на осмысление и развитие агентности — в том ее понимании, которое представлено выше (т. е. как действия, оказывающего трансформационный эффект на социальный мир прямо или косвенно).

Несмотря на широкий круг источниковой базы настоящего исследования, центральное место в анализе, описании и интерпретациях произведений искусства занимают тексты, опубликованные в музейных и выставочных каталогах, на официальных сайтах музеев и галерей, а также комментарии самих художников².

Четыре типа агентности в европейском искусстве

Как показано выше, задача типологии агентности в искусстве не нова. Однако все предложенные до настоящего времени модели не базируются на эмпирическом анализе поля искусства именно последних лет (2017–2023) и не опираются на информационную базу достаточной полноты и международного масштаба (даже применительно к одному европейскому макрорегиону). В процессе исследования нами было обнаружено и проанализировано 180 кейсов из разных географических регионов Европы 2017–2023 гг., которые могут быть обозначены как «социальная трансформация» (62 примера), «эскапизм» (38 примеров), «кризисная адаптация» (39 примеров), «трансформация субъекта действия» (41 пример). Метафорические названия кейсов выбраны на основе проанализированных интервью с представителями экспертного сообщества (современными художниками, кураторами, искусствоведами). Ниже приведены наиболее показательные кейсы.

² Материалы интервью с авторитетными представителями арт-сферы (в их числе Павел Отдельнов, Ангелина Меренкова, Григорий Шаров, Андрей Сяйлев, Иван Симонов, Андрей Шатилов и др.) являются показательными источниками для исследования вопросов агентности в сфере искусства.

* * *

1. Социальная трансформация — агентность, непосредственно влияющая на социальные процессы, вовлекающая в новые структуры, запуская дискуссии с целью трансформации. Агентность данного типа способна продвигать новые формы взаимодействия между людьми, изменять общественные настроения.

В европейской социальной и культурной политике в последние годы нарастают тенденции антагонизма. В частности, стали набирать популярность радикальные протестные настроения, связанные с противостоянием между разными политическими мировоззрениями. В качестве примера можно привести сепаратистские движения в Испании, Италии, Сербии и других странах Европы [Фролова 2022: 123; Черкасова 2022: 52]. Современная культура и произведения искусства могут прямо или косвенно отражать указанные процессы, однако особое значение в этом контексте имеют работы, направленные на трансформацию социальных систем в соответствии с идеями солидарности, уважения, взаимопонимания, терпимости, а не конфликта.

Актуальные темы «социальной трансформации» — массовая миграция, социальное неравенство, геополитика. Например, шведский художник Я. Свенунгссон работает с понятием территориальности. В работе «Психокартография Европы после Брексита» (2020), взяв за основу политическую карту, на которой разными цветами отмечены страны Европейского Союза, художник произвольно меняет границы территорий. Художественные манипуляции с картами выступают яркой метафорой политических и общественных отношений. Произведение «Корабль дураков» (2017) бельгийского художника К. Мартина посвящено проблеме увеличения числа беженцев в Европе (ил. 1). Отсылая к одноименной картине И. Босха (1495–1500), художник показывает, что ковши, висящие на лодке, слишком малы для вычерпывания воды, чтобы судно не затонуло.

Для работы «Press-ing» (2020) румынский художник Д. Пержовски использовал страницы европейских газет, сопроводив их своими надписями и рисунками. В центре его внимания — проблемы кочевых групп, мигрантов, изгнанников. Размышляя над темами газет, художник создает выразительные ироничные, карикатурные рисунки черным перманентным маркером. Объединяя текст и изображение, он представляет зрителю собственную версию новостей и варианты решений актуальных социальных вопросов.

Женщины и меньшинства во многих странах Европы до сих пор ущемлены в области прав и возможностей [Комар 2023: 143]. Коллаж «Дадаистские обои для мигранта» (2019) английской художницы афрокарибского происхождения С. Бойс посвящен расовой и социальной несправедливости, телесной и языковой эмансипации. Используя отсылки к европейской истории искусства, С. Бойс обыгрывает представления европейцев о жителях Африки. Цветные принты с текстами о жизни мигрантов основаны на опыте совместной работы с хореографами, художниками-перфор-

мансистами и студентами. Автор произведения подчеркивает, что жизнь мигранта должна быть гармонично встроена в социальную и культурную жизнь принимающей страны, что, в свою очередь, требует преодоления значительных барьеров за счет индивидуального действия. Идеи за равные права человека; гендерное, расовое, этническое, религиозное равенство отражены в инсталляции голландской художницы П. Карсенхаут «Моя вина» (2020), посвященной вопросам власти, богатства и рабства в регионах, исторически контролируемых европейскими державами, а также в работе хорватской художницы С. Ивекович «Работы сердца» (2020), поднимающей проблему равноправия мужчин и женщин в европейских странах.

Ил. 1. *Крис Мартин. Корабль дураков. 2017. Смешанная техника. Частная коллекция*

Fig. 1. *Kris Martin. Ship of fools. 2017. Mixed technique. Private collection*

URL: <http://www.visit-city.art/exhibitions/diversity-united>

На выставке «Местные иностранцы» художника и фотографа М. Сулым (2023), проходившей в Эдинбургском музее The Palace of Holyroodhouse, были представлены истории людей, переехавших в Эдинбург из разных стран, таких как Индия, Бразилия, Словакия, США и других, с целью продемонстрировать их агентность и социальные возможности в новых условиях. Проект рассматривает вопросы миграции, равенства, инклюзии через призму личных историй, воспоминаний.

Тип агентности «социальная трансформация» убедительно свидетельствует, что в кризисные периоды искусство может не только открывать пути для дискуссий, диалога и культурного обмена, но и побуждать к конкретным действиям, способствующим изменению социальных структур и культуры в сторону роста толерантности, доверия. Непосредственно

воспринимая социальные процессы и рефлексирова о них через призму художественной интуиции, художники в своем творчестве отражают состояние общества как в прошлом, так и в настоящем, а также оказывают влияние на его характер в будущем.

* * *

2. Эскапизм — это автономный вид агентности, характеризующийся выходом из доминирующих социальных структур и созданием параллельных структур, зачастую на основе сетей личных отношений. К этому типу агентности художники особенно интенсивно обратились во время пандемии COVID-2019. Эскапизм в это время (в отличие от прежних периодов) не воспринимался как нежелательная форма социального поведения, поскольку снижение числа контактов было обусловлено борьбой с распространением вируса и потому было легитимно и даже поощряемо государством.

Указанная форма агентности в искусстве имеет параллели в более широких процессах современной европейской культурной политики, которая в существенной степени ориентирована на сохранение идентичности через воспроизводство характерных для той или иной группы практик и своеобразный «уход в себя» без противостояния с внешней средой. В качестве примеров можно привести политические инициативы, направленные на поддержку идентичности представителей локальных культур, а также национальных меньшинств в Европе в целом [Коев 2022] и в отдельных странах (например, в Румынии, Италии, Франции) [Popescu, Alba 2022].

Ярким примером эскапизма в искусстве является выставка российской художницы Ангелины Меренковой «Escape gallery» (2019) в галерее «Pop/off/art». Общий мотив выставки — поиск вектора для движения вперед / побега. Здесь проявляется необычный подход восприятия современного искусства как с определенной точки зрения «антиагентного», но который остается побуждающим зрителя к действию по отношению к окружающим структурам. Показательно, что это действие выражается в удалении от окружающих структур, а не во вторжении, что характерно для «социальной трансформации», рассмотренной выше.

Всемирно известная нидерландская художница Р. Дейкстра в своем творчестве исследует вопросы взросления, развития и становления человека в различных средах. Ее серия «Almerisa» (1994–2017), состоящая из 15 фотографий, посвящена жизни беженки из Боснии, начиная с ее прибытия в Нидерланды в детском возрасте в 1994 г. и заканчивая рождением ее собственного ребенка, представителя следующего поколения европейцев. Художница создает последовательность образов, сделанных через определенные временные интервалы, каждый из которых характеризуется трансформацией и преобразованием внутреннего мира.

Многие художники внимательно изучают влияние технологического прогресса на современную культуру и коммуникацию — и один из важ-

ных выводов, который они делают, состоит в том, что цифровые технологии позволяют не только глубже интегрироваться в общество, но и в определенном смысле удалиться от него (как минимум от его офлайновой части). Цифровое тело, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальности, метавселенные, трехмерная печать, нейротехнологии, блокчейн — частые темы современного искусства. Четвертой промышленной революции и последствиям пандемии COVID-2019 посвящены работы М. Бонвичини «Защита от слепоты» (2019), А. Доманович «Мосхофор» («Новое тело») (2020) (ил. 2), Кати Новичковой «Приближение. Множество всадников Апокалипсиса» (2020) и мн. др.

Ил. 2. Александра Доманович. «Мосхофор» («Новое тело»). 2020
Смешанная техника. Частная коллекция

Fig. 2. Aleksandra Domanović. Calf Bearer (New body). 2020
Mixed technique. Private collection

URL: <https://www.tanyaleighton.com/artists/aleksandra-domanovic/domanovic-2020-0177#2>

Пандемия COVID-2019 заставила многих ученых по-новому посмотреть на социальный мир. Несмотря на доминирующий в широкой дискуссии негативный взгляд на влияние пандемии на общество, художники (больше, чем представители других сфер деятельности) говорят в своем творчестве о позитивных эффектах пандемии: это возможность осмыслить происходящее в свете экстенсивного роста технологий, поиски гармоничного сосуществования с природой. Эскапизм в искусстве подталкивает зрителя к перемещению в некое безопасное интеллектуальное пространство, откуда можно ограничить информационные потоки, осознать происходящее и понять, как действовать дальше. Таким образом, через данную форму агентности искусство, сообщая человеку способность к рефлексии, вносит позитивный вклад в его устойчивость к социальной динамике.

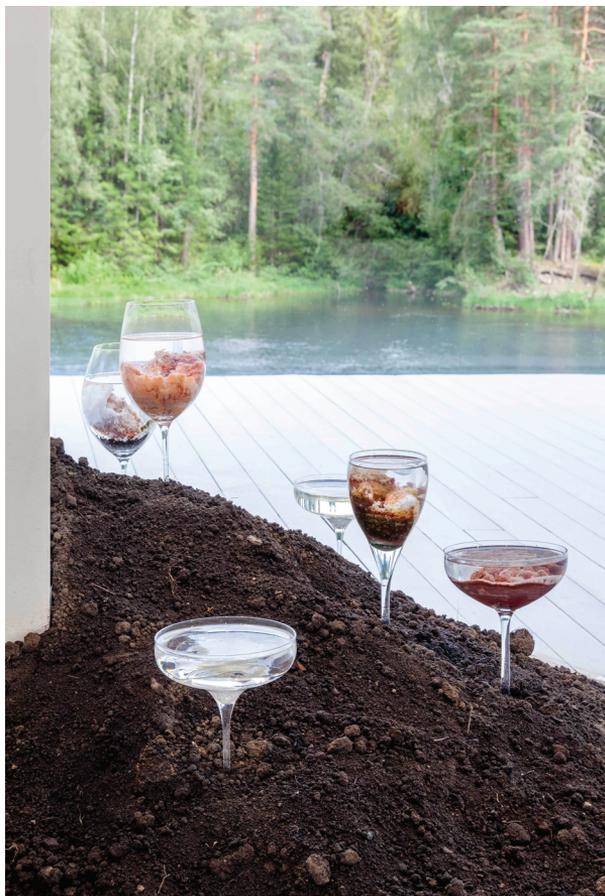
* * *

3. Кризисная адаптация — это вид агентности, связанный с тревогой за будущее, стремлением к безопасности. Кризисная адаптация отражает общекультурный европейский тренд начиная с XVIII в., когда впервые были осмыслены риски нарастающей неопределенности, неразрывно связанные с технологическим развитием и социально-политической модернизацией. Согласно глобальному опросу ассоциации Gallup International и холдинга «Ромир», современным жителям европейских развитых стран экономическое будущее кажется более мрачным, чем жителям других регионов. Больше всего пессимистов в Европе — в Болгарии (48%), Польше (47%) и Чехии (45%). Оптимистичные настроения, напротив, характерны для Индонезии (76%), Нигерии (68%) или Вьетнама (59%) [Интерфакс 2021].

В работе «Созвездие» (2020) польской художницы А. Кваде природные камни, вмонтированные в композицию скульптуры-кровати, создают ощущение угрозы, поскольку они могут обрушиться. Инсталляция наглядно демонстрирует неустойчивость и хрупкость мира, экологический и экологический кризисы, угрожающие планете. Скульптуры французской художницы А. Мессаже из серии «Спальный мешок» (2019) посвящены исследованию человеческой потребности в чувстве защищенности: спальные мешки, стеганые куртки, шапки, шарфы, перчатки, расположенные на стенах и на полу, воплощают различные аспекты социума — открытость, изоляцию, холодность и др.

Важное место среди факторов, обуславливающих тревогу за будущее у современных европейцев, занимает экология. Идеи о том, что экологические проблемы (глобальное потепление, загрязнение Мирового океана, разрушение озонового слоя и др.) могут привести к уничтожению жизни на планете, побуждают людей к проактивному взаимодействию с природной средой. Так, серия «Кубки» (2021) норвежской художницы А. Графф, вдохновленная образом отравленной чаши из «Гамлета» У. Шекспира, посвящена влиянию токсичных химических веществ и диетических факторов на здоровье человека (ил. 3). Каждый из арт-объектов представляет

кубок в образе аутоиммунной патологии (например, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, рассеянный склероз, псориаз, фибромиалгию), на которую, вероятно, эти вещества повлияли.

Ил. 3. Ане Графф. Кубки. 2021. Смешанная техника. Частная коллекция

Fig. 3. Ane Graff. The Goblets. 2021. Mixed technique. Private collection

URL: <https://oslcontemporary.com/artists/ane-graff>

В качестве примера «кризисной адаптации» можно также привести экопроект современного датско-исландского художника Олафура Элиассона «Перспективы Земли» (2020), посвященный климатическим катастрофам, а также зонам на земном шаре, которые напоминают о разрушительном влиянии человеческой деятельности на природу (Чернобыль, Большой Барьерный риф, река Ганг и др.). По замыслу художника, если смотреть на точку на карте в течение десяти секунд, а затем перевести взгляд на пустую поверхность, то можно увидеть новое изображение в

другом цвете. Идея О. Элиассона заключается в том, чтобы люди могли увидеть мир «глазами» зверей, птиц и растений. Выступление художника на саммите ООН в 2019 г. убедительно показало, что экоискусство способно развивать индивидуальную агентность и формулировать эмоциональные и интуитивные реакции.

Ил. 4. Павел Отдельнов. *Котлован*. 2021

Фрагмент инсталляции «Звенящий след». Пос. Сокол Челябинской области

Fig. 4. Pavel Otdelnov. *Pit*. 2021

Fragment of the installation “Ringing Trace”. Settlement Sokol, Chelyabinsk Region

URL: <https://otdelnov.com/ru/gallery-ringing-trace>

Российский художник П. А. Отдельнов, работающий в форме инсталляции, также часто затрагивает в своем творчестве тему экологии. Инсталляция «Звенящий след» (2021), созданная в здании бывшего общежития лаборатории в пос. Сокол Челябинской области, посвящена последствиям Кыштымской аварии 1957 г. (ил. 4). В результате этой аварии значительная часть территории Челябинской, Свердловской и Тюменской областей подверглась радиоактивному загрязнению. Экспозиция построена как музей и занимает несколько комнат и коридоров. В ней представлены живописные работы, тексты, артефакты и фотографии. На стене зала «Глоссарий» расположена композиция, состоящая из слоев облупленной краски, напоминающих физическую карту территории радиоактивных

загрязнений. Текст обозначает улицы (Немецкая, Дворянская, Пролетарская) и города на карте (Екатеринбург, Снежинск, Озерск), создает контекст («облучение окуривание», «еинтиллиции метеориты», «реактор дома»), передает воспоминания рабочих о строительстве завода.

Экологические катастрофы, вызывая тревогу, формируют у людей осознанность и личную вовлеченность в глобальные и повседневные экологические практики. В отличие от «эскапизма» и «социальной трансформации», «кризисная адаптация» неспособна напрямую трансформировать структуры, однако стимулирует эволюционную адаптацию к изменениям, также предполагающую определенную агентность.

* * *

4. Трансформация субъекта действия — это умозрительный вид агентности, означающий присвоение новой роли при рассмотрении художественного или жизненного явления, что приводит к новому пониманию того, как с ним работать. Это поиск альтернативных способов понимания человеком себя и своих возможностей, как правило через смену ролей между художником и зрителем или примериванием художника на себя и на зрителей новых, не свойственных им ранее ролей. Например, выставка художественных произведений рассматривается как театральная постановка (выставка «Генеральная репетиция. Представление в трех актах», Московский музей современного искусства, 2018). Или художники отказываются от собственной агентности и передают ее местным жителям (выставка «Пентакосатлон», галерея «Парк», Москва, 2022). Другим примером является запуск диалога с представителями экономики, политики, религии в формате художественного процесса (выставка «Многообразие. Единство. Современное искусство Европы. Берлин. Москва. Париж», Государственная Третьяковская галерея, Москва, 2021–2022).

Австрийский художник П. Коглер создал инсталляции, в которых зритель становится частью произведения. В своих коллажах он обращается к историческим и современным сюжетам, которые, по его мнению, определяют актуальный облик Европы. Запечатлевая технологии, созданные для наблюдения и фиксации, художник переосмысливает не только методы социального контроля, но и соотношения документального и художественного образов (ил. 5).

Номинант престижной российской премии «Инновация-2019» в номинации «Образовательный проект» — клуб «Вместе» куратора Евгении Игнатушко — инклюзивный проект для людей с ментальными расстройствами, созданный с целью вовлечь таких людей в занятия актуальными художественными практиками и сделать их полноценной частью общества. Стоит отметить пересечения проекта с выделенным Ж. Дюбюффе в 1945 г. направлением ар-брют [Геташвили 2008: 130], которое сегодня понимается как изобразительное искусство в наиболее чистом воплощении. «Трансформация субъекта действия» так же, как

и другие рассмотренные выше проявления агентности в современном искусстве, непосредственно связана с общей тенденцией деструктуризации и отражает поиски новых способов выстраивания идентичности и мобильности, основанных на трансформации собственного «Я»: это агентность, связанная не с переходом субъекта А из состояния А1 к состоянию А2, но с более радикальным разрывом между субъектом А1 и его будущим состоянием В1 [Mironenko, Sorokin 2022]. Основной круг тем, вокруг которых происходит соответствующая трансформация, таков: история, память, вера, идентичность, межкультурный диалог, инклюзия.

Ил. 5. Питер Коглер. Инсталляция. Фрагмент. 2017
Смешанная техника. Частная коллекция

Fig. 5. Peter Kogler. Installation. Fragment. 2017
Mixed technique. Private collection

URL: <http://www.outshoot.ru/art-installation/46555>

Таким образом, современное искусство вносит существенный вклад в практику и концептуализацию агентности в современном мире, оказывая значимое влияние на культурную жизнь Европы. Результаты, полученные в ходе исследования, включая как четыре выделенных типа агентности, так и список проблем, к которым обращаются современные художники, можно представить в табл. 1³.

³ Составлена авторами на основе данных наиболее крупных форумов: Documenta, Венецианской биеннале, Берлинской биеннале, выставок современного искусства в Государственном Эрмитаже, Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Московском музее современного искусства, частных коллекций и др.

Таблица 1

Типология запросов на агентность в европейской культурной жизни (2017–2023)

Typology of requests for agency in European cultural life (2017–2023)

Тема запроса	Количество кейсов
Социальная трансформация	
Миграция	17
Социальное неравенство	11
Территориальность	10
Геополитика	8
Власть, эксплуатация, рабство	7
Свобода и демократия	9
Эскапизм	
Пандемия COVID-2019	11
Надежда на выход из кризиса	4
Одиночество	2
Смена поколений	3
Четвертая промышленная революция, цифровизация, роботизация	18
Кризисная адаптация	
Тревога за будущее	17
Изменение климата	3
Общество потребления	7
Экология, защита окружающей среды	12
Трансформация субъекта действия	
История и культура памяти	16
Вера и идентичность	6
Межкультурный диалог	8
Социальная справедливость	7
Инклюзия	4

Заключение

Таким образом, черпая сюжеты из повседневной жизни, представители современного художественного сообщества запечатлевают и осмысливают ключевые события эпохи. Искусство может не только поднимать общественно значимые темы, но и указывать пути возможных изменений и развития социальных процессов. По части проблематики агентности современное искусство, как правило, не порождает новое действие в прямом значении этого слова. Здесь скорее идет речь о формировании художественных образов, восприятие которых делает людей более активными по отношению к собственной жизненной позиции и к миру в целом.

Для оптимистичных выводов о вкладе сферы искусства в повышение конструктивного потенциала агентности есть несколько причин. Во-

первых, искусство, которое способно вызывать у зрителя эмоции и через них подталкивать его к рефлексии, агентно по своей сути. Эта агентность, связанная с индивидуальным мировосприятием, пронизана верой в неопределимое (вероятно, именно поэтому Б. Гройс назвал музеи современного искусства новыми церквями [Гройс 2003: 135]). Во-вторых, актуальное искусство избегает ограничений любой детерминированной моделью и, соответственно, сообщает дух агентности своему зрителю.

Антиутилитаризм искусства (в отличие от прагматических задач экономики, политики, образования и др.) формирует онтологическую ценность эстетической интеллектуальной деятельности [Cavazzoni et al. 2021]. Искусство помогает связывать знание с действием через осознание проблемы.

Отдельно отметим, что поле современного искусства принципиально ориентировано на субъективные аспекты социально-экономической реальности.

Проведенный анализ показывает, что европейское искусство, чутко улавливая дух времени, включая и локальные, и глобальные социальные и политические тренды, способно наделять индивида инструментами видения более широких возможностей как генерации смыслов, так и действий. Связующая роль искусства обуславливает межкультурный обмен, конструктивный диалог с представителями из сфер экономики, политики, образования, науки. Романика, готика, Возрождение, барокко, классицизм, реализм, разнообразие стили и течения XX — начала XXI в. сформировали условия для развития современного европейского культурного процесса. Постоянная связь прошлого, настоящего и будущего — вечный катализатор европейской культуры. Важным направлением возможных будущих исследований является определение общего и различного между формами и смыслами, которыми проблематика агентности характеризуется, с одной стороны, в современной культурной политике Европы и, с другой стороны, в иных регионах мира.

Источники

Интерфакс 2021 — Число пессимистов в России выросло до максимума за последние пять лет // Интерфакс. 2021. 28 дек. URL: <https://www.interfax.ru/world/812950>.

Литература

Адорно 2001 — Адорно Т. Эстетическая теория / Пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001.

Афанасьева 2022 — Афанасьева И. А. Языковое поколение: слово в современном российском искусстве // Человек. Т. 33. № 6. 2022. С. 136–155. <https://doi.org/10.31857/S023620070023384-9>.

Афанасьева 2023 — Афанасьева И. А. Лингвистическое поколение: логоцентричные практики в произведениях современных российских художников (2010–2022 гг.) // Шаги/Steps. Т. 9. № 3. 2023. С. 218–238. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-218-238>.

Бочков 2021 — Бочков Д. А. Технография вместо этнографии? Биоиндустриальная онтология электрички, или Особенности переплетения человеческих и нечеловеческих нарративов // Шаги/Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 175–192. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-175-192>.

- Геташвили 2008 — *Геташвили Н. В.* Европа. Живопись XX века (статья третья) // Современная Европа. 2008. № 2. С. 114–134.
- Гройс 2003 — *Гройс Б.* Комментарий к искусству. М.: Худ. журнал, 2003.
- Комар 2023 — *Комар О. Н.* Россия и страны Европы: оценка уровня гендерной дифференциации // Современная Европа. 2023. № 2. С. 142–156. <https://doi.org/10.31857/S0201708323020110>.
- Латур 2014 — *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014.
- Сорокин, Зыкова 2021 — *Сорокин П. С., Зыкова А. В.* «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216–241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>.
- Сорокин, Фруммин 2020 — *Сорокин П. С., Фруммин И. Д.* Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250009571-1>.
- Фролова 2022 — *Фролова Ю. Н.* Секьюритизация сепаратизма в Стране Басков // Современная Европа. 2022. № 4. С. 122–134. <https://doi.org/10.31857/S020170832204009X>.
- Черкасова 2022 — *Черкасова Е.* Сепаратизм как угроза безопасности ЕС (на примере Каталонии) // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 1. 2022. С. 51–59. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-51-59>.
- Badiou 2005 — *Badiou A.* Manifesto of affirmationism // Lacanian Ink. Vol. 24/25. 2005. Spring. P. 92–109.
- Cavazzoni et al. 2021 — *Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G.* How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency // Social Indicators Research. Vol. 159. No. 3. 2021. P. 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>.
- Eck 2015 — *Eck C. van.* Art, agency and living presence: From the animated image to the excessive object. Leiden: Leiden Univ. Press, 2015.
- Fowkes, Fowkes 2007 — *Fowkes M., Fowkes R.* Sensuous resistance: The legacy of modernism for sustainable art // Dokumenta 12 magazine projects. 2007. July. P. 5–12.
- Fried 1998 — *Fried M.* Art and objecthood: Essays and reviews. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998.
- Gell 1998 — *Gell A.* Art and agency: An anthropological theory. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Koev 2022 — *Koev D.* Ethnic minority party formation and success in Europe // East European Politics. Vol. 38. No. 1. 2022. P. 83–100. <https://doi.org/10.1080/21599165.2021.1895116>.
- Layton 2003 — *Layton R.* Art and agency: A reassessment // The Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 9. No. 3. 2003. P. 447–464. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.00158>.
- Meyer 2013 — *Meyer R.* What was contemporary art? Cambridge, Mass.: MIT Press, 2013.
- Mironenko, Sorokin 2022 — *Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Activity theory for the de-structured modernity // Integrative Psychological and Behavioral Science. Vol. 56. 2022. P. 1055–1071. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09587-4>.
- Osborne, Tanner 2007 — Art's agency and art history / Ed. by R. Osborne, J. Tanner. Oxford: Blackwell Publishing, 2007.
- Popescu, Alba 2022 — *Popescu L., Alba C.* Museums as a means to (re)make regional identities: The Oltenia Museum (Romania) as case study // Societies. Vol. 12. No. 4. 2022. 110. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/12/4/110>. <https://doi.org/10.3390/soc12040110>.

Zolghadr 2013 — *Zolghadr T.* Fusions of powers: Four models of agency in the field of contemporary art, ranked unapologetically in order of preference // *Contemporary art: 1989 to the present* / Ed. by A. Dumbadze, S. Hudson. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 277–286.

References

- Adorno, T. (1983). *Aesthetic theory*. Routledge & K. Paul.
- Afanaseva, I. A. (2022). Iazykovoe pokolenie: slovo v sovremennom rossiiskom iskusstve [Language generation: Word in contemporary Russian art]. *Chelovek*, 33(6), 136–155. <https://doi.org/10.31857/S023620070023384-9>. (In Russian).
- Afanaseva, I. A. (2023). Lingvisticheskoe pokolenie: logotsentrichnye praktiki v proizvedeniakh sovremennykh rossiiskikh khudozhnikov [The linguistic generation: Logocentric practices in the works of contemporary Russian artists (2010–2022)]. *Shagi/Steps*, 9(3), 218–238. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-218-238>. (In Russian).
- Badiou, A. (2005). Manifesto of affirmationism. *Lacanian Ink*, 24/25, 92–109.
- Bochkov, D. A. (2021). Tekhnografiia vmesto etnografii? Bioindustrial'naia ontologiya elektrichki, ili Osobennosti perepleteniia chelovecheskikh i nechelovecheskikh narrativov [Technography instead of ethnography? Bio-industrial ontology of the elektrichka, or intertwinning of human and nonhuman narratives]. *Shagi/Steps*, 7(2), 175–192. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-175-192>. (In Russian).
- Cavazoni, F., Fiorini, A., & Veronese, G. (2021). How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*, 159(3), 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>.
- Cherkasova, E. (2022). Separatizm kak ugroza bezopasnosti ES (na primere Katalonii) [Separatism as a threat to the European Union (The case of Catalonia)]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 66(1), 51–59. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-51-59>. (In Russian)
- Eck, C. van. (2015). *Art, agency and living presence: From the animated image to the excessive object*. Leiden Univ. Press.
- Fowkes, M., & Fowkes, R. (2007). Sensuous resistance: The legacy of modernism for sustainable art. *Dokumenta 12 magazine projects*, 2007(July), 5–12.
- Fried, M. (1998). *Art and objecthood: Essays and reviews*. Univ. of Chicago Press.
- Frolova, Yu. N. (2022). Sek'iurizatsiia separatizma v Strane Baskov [Securitization of separatism in the Basque Country]. *Sovremennaia Evropa*, 2022(4), 122–134. <https://doi.org/10.31857/S020170832204009X>. (In Russian).
- Gell, A. (1998). *Art and agency: An anthropological theory*. Oxford Univ. Press.
- Getashvili, N. V. (2008). Evropa. Zhivopis' XX veka (stat'ia tret'ia) [Europe. Painting of the 20th century (third article)]. *Sovremennaia Evropa*, 2008(2), 114–134. (In Russian).
- Grois, B. (2003). *Kommentarii k iskusstvu* [Commentary on art]. *Khudozhestvennyi zhurnal*. (In Russian).
- Koev, D. (2022). Ethnic minority party formation and success in Europe. *East European Politics*, 38(1), 83–100. <https://doi.org/10.1080/21599165.2021.1895116>.
- Komar, O. N. (2023). Rossiia i strany Evropy: otsenka urovnia gendernoï differentsiatsii [Russia and European countries: Statistical assessment of differences in the level of gender differentiation]. *Sovremennaia Evropa*, 2023(2), 142–156. <https://doi.org/10.31857/S0201708323020110>. (In Russian).
- Latour, B. (2005). *Reassembling the social: Introduction to actor-network theory*. Oxford Univ. Press.
- Layton, R. (2003). Art and agency: A reassessment. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 9(3), 447–464. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.00158>.
- Meyer, R. (2013). *What was contemporary art?* MIT Press.

- Mironenko, I. A., & Sorokin, P. S. (2022). Activity theory for the de-structuralized modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 56, 1055–1071. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09587-4>.
- Osborne, R., & Tanner, J. (Eds.) (2007). *Art's agency and art history*. Blackwell Publishing.
- Popescu, L., & Alba, C. (2022). Museums as a means to (re)make regional identities: The Oltenia Museum (Romania) as case study. *Societies*, 12(4), 110. <https://www.mdpi.com/2075-4698/12/4/110>. <https://doi.org/10.3390/soc12040110>.
- Sorokin, P. S., & Froumin, I. D. (2020). Problema “struktura/deistvie” v XXI v.: izmeneniia v sotsial’noi real’nosti i vyvody dlia issledovatel’skoi povestki [“Structure-agency” problem in the 21st century: Social development and research implications]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020(7), 27–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250009571-1>. (In Russian).
- Sorokin, P. S., & Zykova, A. V. (2021). “Transformiruiushchaia agentnost” kak predmet issledovaniia i razrabotok v XXI veke: obzor i interpretatsiia mezhdunarodnogo opyta [“Transformative agency” as a subject of research and development in the 21st century: A review and interpretation of international experience]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, 2021(5), 216–241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>. (In Russian).
- Zolghadr, T. (2013). Fusions of powers: Four models of agency in the field of contemporary art, ranked unapologetically in order of preference. In A. Dumbadze, & S. Hudson (Eds.). *Contemporary art: 1989 to the present* (pp. 277–286). Wiley-Blackwell.

* * *

Информация об авторах Information about the authors

Ирина Анатольевна Афанасьева

аспирантка, младший научный сотрудник, Лаборатория исследований человеческого потенциала и образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11
✉ iaafanaseva@hse.ru

Irina A. Afanaseva

MA, Graduate Student, Researcher, Laboratory for Human Capital and Education Research, HSE University Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11
✉ iaafanaseva@hse.ru

Павел Сергеевич Сорокин

кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией исследований человеческого потенциала и образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11
✉ psorokin@hse.ru

Pavel S. Sorokin

Cand. Sci. (Sociology) Associate Professor, Leading Research Fellow, Head of the Laboratory for Human Capital and Education Research, HSE University Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11
✉ psorokin@hse.ru

Артем Александрович Голошчапов

независимый исследователь, художник
Россия, Санкт-Петербург
✉ contact@artyomgo.tv

Artem A. Goloshchapov

Independent Scholar, Artist
Russia, St. Petersburg
✉ contact@artyomgo.tv